

ЗА ГРАНЬЮ ЭВОЛЮЦИИ

© Павел Бабинович

18+

Павел Бабинович

За гранью эволюции

«Автор»

2026

Бабинович П. А.

За гранью эволюции / П. А. Бабинович — «Автор», 2026

На изолированном острове Эребус группа учёных воссоздала живых динозавров. Проект «Феникс» должен был стать величайшим прорывом XXI века. Но рай оказался тюрьмой. Когда палеонтолог Конор Торл и его коллеги приезжают на остров, они не знают, что едут в ловушку. Ограждения трескаются, системы отказывают, а за стенами вольеров ждут те, кого создатели не смогли контролировать. Вскоре экскурсия превращается в борьбу за выживание. Динозавры вырываются на свободу. А на материке уже бродит первый сбежавший хищник. Это не просто история о динозаврах. Это притча о гордыне и цене научного прогресса. О том, что некоторые тайны лучше оставить погребёнными во тьме веков. Внимание: содержит сцены насилия и жестокости. 18+.

© Бабинович П. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Павел Бабинович

За гранью эволюции

Глава 1

Пролог: Код прошлого

Часть I. Азбука жизни

Человечество всегда мечтало вернуть то, что ушло навсегда. Но чтобы воскресить динозавра, сначала нужно было научиться читать и переписывать саму книгу жизни — её генетический код. История этого пути началась задолго до первых экспериментов с вымершими видами. Она началась с монаха, гороха и упрямого желания понять, почему дети похожи на родителей.

В 1865 году Грегор Мендель, скромный августинский монах из Брно, опубликовал работу, которая перевернула представления о наследственности. Скрещивая тысячи горошин — гладких и морщинистых, жёлтых и зелёных, высоких и низких, — он описал законы передачи признаков. Никто не придавал этому значения. Работа Менделя пролежала в забвении тридцать пять лет, пока другие учёные не переоткрыли её заново. Но именно эти законы стали фундаментом всей будущей генетики — азбукой, на которой природа записывает жизнь.

Параллельно, в 1869 году, швейцарский врач Фридрих Мишер, изучая состав гноя из хирургических повязок, выделил вещество, которое назвал «нуклеином». Он не понимал, что держит в руках ключ ко всему живому. Он просто заметил, что это вещество содержится в ядрах клеток и отличается от белков. Это была ДНК — макромолекула, которая станет главным инструментом и главным искушением человечества.

Прошли десятилетия. Наука двигалась медленно, ощупью, как человек в тёмной комнате. В 1944 году Освальд Эвери, Колин Маклауд и Маклин Маккарти доказали: именно ДНК, а не белок, хранит и передаёт наследственную информацию. Это открытие опровергло господствовавшую тогда теорию о том, что носителем генов являются белки. Мир науки замер. Стало ясно: где-то в глубине клетки, в этой странной спирали, записана вся история жизни — от бактерии до человека.

А в 1953 году Джеймс Уотсон и Фрэнсис Крик, опираясь на рентгеновские снимки Розалинд Франклин, расшифровали структуру ДНК — двойную спираль. Теперь учёные знали «алфавит», на котором записан жизненный код. Четыре буквы — А, Т, G, С — составляли все многообразие живого на Земле. Четыре буквы, которые можно было прочесть. И, как выяснилось позже, переписать.

Часть II. Ножницы и клей

Следующий шаг — научиться с этим кодом работать. Читать недостаточно. Нужно было научиться резать, копировать, вставлять. Нужен был инструмент.

В 1969 году Говард Темин открыл обратную транскрипцию — синтез ДНК по матрице РНК. Это был первый шаг к тому, чтобы научиться не только читать, но и записывать генети-

ческую информацию. Ферменты, которые делали это возможным, стали первыми инструментами генной инженерии.

В 1970 году Гамильтон Смит выделил первую эндонуклеазу рестрикции II типа — фермент, который действует как молекулярные ножницы. Он режет ДНК в строго определённых местах. Теперь учёные могли вырезать нужный ген из одной молекулы и вставить его в другую. Это был прорыв, который изменил всё.

В 1972 году Пол Берг создал первую рекомбинантную ДНК, соединив фрагменты из разных источников. Он взял кусочки ДНК от разных организмов и сшил их вместе, как лоскутное одеяло. Это был первый шаг к созданию искусственных геномов.

Вскоре Герберт Бойер и Стэнли Норман Коэн пошли дальше: в 1973 году они ввели такую рекомбинантную ДНК в бактерию, заложив основы генной инженерии. Бактерия начала размножаться и производить новые белки, которые не были ей свойственны. Человек впервые заставил живое существо работать на себя — не через селекцию, а через прямое вмешательство в код жизни.

Часть III. Чтение и умножение

Эти открытия дали инструмент: теперь можно было вырезать, копировать и вставлять гены. Но чтобы вернуть динозавра, одного этого было мало. Нужен был реверс-инжиниринг — задача прочитать и понять код, который природа «зашила» в окаменелости. А для этого нужно было научиться читать сам код.

В 1977 году Фредерик Сенгер разработал метод секвенирования ДНК — чтения её последовательности. Это позволило учёным впервые «прочитать» гены. Метод был медленным, кропотливым, но он работал. Секвенирование стало основой всей современной генетики. Без него не было бы ни проекта «Геном человека», ни CRISPR, ни попыток воскрешения вымерших видов.

А в 1983 году Кэри Маллис изобрёл полимеразную цепную реакцию (ПЦР) — метод, который даёт возможность амплифицировать крошечные фрагменты ДНК. Это критически важно для работы с древними, деградировавшими образцами. ДНК из окаменелостей обычно фрагментирована, разорвана на тысячи кусочков. ПЦР позволяет умножить эти фрагменты, собрать их заново, прочесть. Без ПЦР не было бы никакой палеогенетики.

Часть IV. Искушение

Постепенно наука подошла к идее: если можно синтезировать ген искусственно, почему бы не попытаться воссоздать геном вымершего существа? В 1990-х годах появились первые серьёзные проекты по реверс-инжинирингу — учёные начали активно работать с ДНК из музейных образцов и ископаемых. Это были робкие шаги, попытки прочесть то, что осталось. Но уже тогда стало ясно: некоторые образцы содержат достаточно информации, чтобы попытаться реконструировать фрагменты древних геномов.

И вот настал момент, когда теория превратилась в практику. В 2009 году группа под руководством Крейга Вентера синтезировала искусственную бактерию, способную к размножению. Это был прорыв в синтетической биологии. Человек впервые создал живой организм

с нуля, используя только химические вещества и компьютерные модели. Это была не копия существующей бактерии, а нечто новое, созданное человеком.

А в 2010-х технология редактирования генома CRISPR/Cas9 открыла новые горизонты. CRISPR — это система, найденная в бактериях, которая позволяет им защищаться от вирусов. Учёные адаптировали её для редактирования генома любых организмов. Теперь можно было вносить точечные, сложные изменения в ДНК — вырезать гены, вставлять новые, исправлять мутации. Это был инструмент невероятной мощности. И невероятной опасности.

Так, шаг за шагом, от законов Менделя до CRISPR, наука собрала инструменты, которые сделали возможным то, что раньше казалось фантастикой: попытку вернуть к жизни то, что считалось утраченным навсегда.

Часть V. Тёмная сторона открытий

Научный прогресс — это не всегда путь к свету. История знает немало примеров, когда стремление к знаниям приводило к катастрофическим последствиям. И чем мощнее инструмент, тем страшнее последствия ошибки.

В начале XXI века мир столкнулся с первыми серьёзными проблемами генной инженерии. Человекоподобные дрожжи, созданные путём замены около 200 генов, показали, насколько тонкой может быть грань между научным прорывом и этическим преступлением. Учёные, сами испугавшись последствий, забили тревогу: чайная ложка такого продукта могла содержать смертельную дозу наркотика. Это был первый звонок. Но никто не услышал.

Особую тревогу вызвали эксперименты по созданию дрожжей-производителей опиатов. Учёные получили возможность синтезировать морфин и другие опиаты без мака, в лабораторных условиях. Это открывало безграничные возможности для медицины — и безграничные возможности для наркоторговли. Контроль над такими технологиями стал вопросом национальной безопасности. Но кто контролировал самих учёных?

Исследования генов Fgf8 и Lef1 привели к открытию способа создания химер — существ, сочетающих черты разных видов. Учёные получили возможность превращать птиц в существ с мордами динозавров. Они делали это ради науки. Они не думали о том, что создают. Они не думали о том, что эти существа будут чувствовать. Они не думали вообще.

Биологический империализм стал новой формой колонизации — на этот раз не территорий, а живых организмов. Генетические модификации превращались в инструмент контроля над природой. Корпорации запатентовали гены, как раньше патентовали земли. Они покупали и продавали жизнь. Они создавали новые виды — и уничтожали старые. Они играли в богов, не понимая, что у богов тоже есть цена.

Часть VI. Катастрофы прошлого

История помнит немало случаев, когда научные эксперименты выходили из-под контроля. Неконтролируемые мутации в сельскохозяйственных культурах приводили к голоду. Генетический дрейф в популяциях модифицированных организмов уничтожал экосистемы. Экологические катастрофы, вызванные внедрением новых видов, меняли облик целых регионов.

В Австралии завезли тростниковую жабу, чтобы бороться с вредителями сахарного тростника. Жаба не стала бороться с вредителями. Она стала вредителем сама. Она распространилась по всему континенту, уничтожая местные виды, отравляя хищников, которые пытались её есть. Это было предсказуемо. Но никто не предсказал.

В США выпустили генетически модифицированный кукурузный полосатый мотылёк, устойчивый к пестицидам. Мотылёк скрестился с дикими сородичами и передал им ген устойчивости. Теперь пестициды не работали. Фермеры теряли урожай. Компания, создавшая мотылька, обанкротилась. Но мотылёк остался. Он живёт до сих пор.

Каждый такой случай — это предупреждение о том, что наука без морали превращается в оружие массового поражения. Мы научились менять код жизни, но не научились отвечать за эти изменения. Мы создаём то, что не можем контролировать. Мы выпускаем в мир то, что не можем вернуть.

Часть VII. Современные риски

Сегодня мы стоим перед выбором. Продолжать эксперименты без границ — или установить жёсткий контроль над генетическими модификациями? Полностью запретить опасные исследования — или найти способ их регулировать?

Научный прогресс не должен идти по трупам — человеческим или животным. Каждое новое открытие должно проходить через фильтр этической экспертизы. Иначе мы рискуем создать мир, где наука станет инструментом разрушения, а не созидания. Мир, где жизнь будет товаром, а страдание — ценой прогресса.

Этот пролог — не просто история о научных достижениях. Это крик о помощи из будущего, где границы между возможным и допустимым стираются быстрее, чем мы успеваем осознать последствия своих действий.

И каждый раз, когда учёные берутся за новый проект, они должны помнить: цена ошибки — не просто неудачный эксперимент. Цена ошибки — будущее всей планеты.

Часть VIII. Предупреждение

Теперь, когда технологии достигли этой точки, перед исследователями встала новая задача: не просто вставить чужой ген, а понять, как все гены работают вместе, как они взаимодействуют в сложной экосистеме организма. Ведь динозавр — это не набор отдельных признаков, а целостная, тонко настроенная система. Система, которая формировалась миллионы лет. Система, которую нельзя собрать заново, как конструктор.

Но некоторые не слышат предупреждений. Некоторые видят только возможность. Некоторые думают, что деньги и амбиции могут заменить мудрость и ответственность.

Именно для них эта история. Для тех, кто готов переступить грань. Для тех, кто думает, что может контролировать хаос. Для тех, кто не понимает, что некоторые двери лучше оставить закрытыми, а некоторые тайны — погребёнными во тьме веков.

Потому что когда ты играешь с эволюцией, эволюция играет с тобой. И правила этой игры жестоки. И проигрыш означает смерть.

Глава 2

Глава 1. Кровь на бетоне

Часть I. Разговор, которого не должно было быть

Дождь шёл третьи сутки. Он не лил — он стоял в воздухе, как мокрая стена, превращая остров «Эребус» в серую тюрьму, где небо и земля слились в одно сплошное месиво из воды и гниющей листвы. Ветер с океана приносил соль и холод, а вместе с ними — запах чего-то древнего, чужого, будто сам остров просыпался от долгого сна и не хотел, чтобы его тревожили. Остров дышал. Остров ждал. И в этом ожидании было что-то зловещее — как будто сама земля знала, что скоро здесь прольётся кровь.

Комплекс «Эребус» возвышался над джунглями, как бетонный монстр, вросший в скалы. Его стены — серые, угловатые, покрытые потёками от дождя — казались не защитой, а тюремной оградой. Бетон был холодным на ощупь, и если приложить ладонь, можно было почувствовать, как внутри что-то гудит — генераторы, системы, механизмы, которые никогда не спали. Комплекс жил своей жизнью, отдельной от людей, которые его построили. Он дышал через вентиляционные шахты, смотрел через камеры наблюдения, слушал через датчики движения. И, возможно, он уже знал, что обречён.

Декстер Кейн стоял у окна административного корпуса, глядя, как струи воды стекают по стеклу, превращая мир за окном в размытые серые пятна. Он не двигался. Он вообще редко двигался без необходимости. Его тело будто экономило энергию для тех моментов, когда она действительно понадобится. Декстер был высоким — метр девяносто, не меньше, — но не казался громоздким. Его фигура была сухой, жилистой, как канат, натянутый до предела. Каждое движение — экономное, точное, будто он постоянно помнил, что где-то рядом может быть опасность, и лишний жест может стоить жизни.

Ему было сорок три. Возраст, когда тело ещё слушается, но уже начинает напоминать о себе по утрам — лёгкой болью в коленях, хрустом в шее, усталостью, которая приходит быстрее, чем раньше. Но Декстер не жаловался. Он никогда не жаловался. Жалобы — это роскошь для тех, у кого есть время на самосожаление. У него не было.

Его лицо было худым, с резкими скулами и глубоко посаженными глазами, цвет которых в полумраке казался почти чёрным. На левой щеке — тонкий белый шрам, пересекающий линию челюсти. Он получил его двенадцать лет назад, в Мозамбике, когда работал инструктором по безопасности в частной военной компании. Тогда он ещё верил, что оружие и дисциплина могут решить любую проблему. Тогда он ещё не знал, что некоторые проблемы нельзя решить — их можно только пережить. Шрам был напоминанием. Не о боли — о глупости. О том, что он когда-то думал, что контролирует ситуацию. Теперь он знал: контроль — это иллюзия. Есть только подготовка и реакция.

Волосы у Декстера были коротко стриженные, с проседью на висках — не благородной, а какой-то усталой, будто седина пришла не от возраста, а от того, что он слишком много видел. Он никогда не улыбался. Не потому, что был злым, а потому, что не видел в этом смысла. Улыбка — это сигнал, что всё хорошо. А всё хорошо не было уже давно. Он носил простую одежду: тёмные брюки, чёрная рубашка, куртка без опознавательных знаков. Ничего лишнего.

Ничего, что могло бы выдать его профессию или его прошлое. Он был человеком-тенью, человеком-стеной. Тем, кто стоит между опасностью и теми, кто не должен пострадать.

Но сегодня он собирался сказать то, что ему говорить не следовало. То, что могло стоить ему работы. То, что было правдой.

Он думал об этом всю ночь. Лежал в своей комнате — маленькой, голой, с одной кроватью и одним шкафом, — и слушал, как дождь барабанит по крыше. Он думал о том, что видел. О трещинах в бетоне. О сломанных датчиках. О людях, которые устали и не высыпаятся. О динозаврах, которые страдают в неволе. Он думал о том, что проект «Эребус» — это не научный прорыв, а бомба замедленного действия. И он думал о том, что если он не скажет об этом сейчас — потом будет поздно.

Дверь в кабинет Маркуса Вейла была приоткрыта. Декстер толкнул её без стука — не из неуважения, а из привычки не тратить время на формальности. Внутри пахло старым деревом, табаком и чем-то ещё — сладковатым, будто гниющая плоть, спрятанная за стенами. Кабинет был большим, но казался тесным из-за обилия мебели: массивный стол из тёмного дуба, заваленный картами, схемами и отчётами; шкафы с папками, которые никогда не открывались; кожаное кресло, потёртое и продавленное; и окно — большое, с видом на джунгли, которые сейчас тонули в серой пелене дождя.

Маркус Вейл сидел за столом, глядя на бумаги. Он был невысоким — метр семьдесят, может, чуть больше, — с седыми волосами, зачёсанными назад, и внимательными, чуть грустными глазами. Его лицо было испещрено морщинами, каждая из которых, казалось, хранила свою историю. Он выглядел усталым. Не физически — глубже. Так устают люди, которые слишком долго несли на себе груз собственных идей и теперь понимают, что этот груз их раздавит.

Маркусу было шестьдесят восемь. Он основал проект «Эребус» двадцать лет назад, когда ему было сорок восемь и он ещё верил, что наука может всё. Теперь он знал, что наука может многое — но не всё, и не всегда это «многое» идёт на пользу. Он думал об этом каждый день. Каждую ночь. Он видел во сне динозавров, которые смотрели на него с укором. Он слышал их крики, которые не были криками боли — они были криками недоумения. «Зачем? — спрашивали они. — Зачем вы нас вернули?»

— Декстер, — произнёс Маркус, не поднимая глаз от бумаг. — Я ждал тебя.

— Знаю, — коротко ответил Декстер, закрывая за собой дверь. — Поэтому и пришёл.

Он не сел. Он никогда не садился в этом кабинете. Стоял у стены, скрестив руки на груди, глядя на Маркуса сверху вниз. Не из высокомерия — из привычки контролировать пространство. В этом кабинете он чувствовал себя в ловушке. Стены давили. Потолок нависал. И где-то в глубине комплекса, за этими стенами, были существа, которые не должны были существовать. Существа, которых он охранял. Существа, которых он боялся.

Маркус наконец поднял глаза. В них читалась усталость — та самая, глубокая, которая не проходит после сна.

— Ты хочешь что-то сказать, — произнёс он. Это был не вопрос.

— Да, — Декстер говорил тихо, но каждое слово падало, как камень в воду. — Заповедник не готов. Ни к гостям, ни к проверкам, ни к тому, что вы собираетесь делать.

Маркус откинулся в кресле, сложив руки на груди. Его лицо не изменилось — он умел слушать, не показывая эмоций.

— Продолжай.

Декстер шагнул вперёд. Его движения были медленными, но в них чувствовалась скрытая сила — как у хищника, который пока не решил, стоит ли нападать.

— Я обошёл все сектора. Лично. Не по отчётам, не по камерам — ногами. И то, что я видел, — это не заповедник. Это декорация. Фасад, за которым ничего нет.

Он начал перечислять, загибая пальцы:

— Первое. Загоны не прочные. Бетонные стены в секторе карнотавров имеют трещины — не поверхностные, а глубокие. Я видел, как один из них бил хвостом по опоре, и металл гудел, как струна. Если он ударит ещё раз десять — опора сложится. А карнотавры — не самые сильные. Тираннозавр пройдёт эту стену за минуту. Я стоял там. Я слышал, как гудит металл. Это не звук прочной конструкции — это звук усталого металла, который вот-вот сломается.

Маркус молчал. Декстер продолжил:

— Второе. Системы не доделаны. Датчики движения в секторе D не работают уже две недели. Я докладывал об этом трижды. Мне сказали, что «заявка в обработке». Пока заявка обрабатывается, там уже нет датчиков — их сожрали. Я видел обломки. Пластик, провода, куски корпуса. Кто-то из мелких хищников принял их за добычу. И знаете, что самое страшное? Я не знаю, кто именно. Я не знаю, какой вид это сделал. Потому что у нас нет камер в этом секторе. Потому что камеры сломаны. Потому что никто не чинит их.

Третье. Сотрудников мало. На весь комплекс — двенадцать человек. Из них четверо — техники, двое — ветеринары, трое — охрана, включая меня. Остальные — администрация, которая сидит в Центре и смотрит на мониторы. Если что-то пойдёт не так — а это вопрос времени, — у нас не хватит людей даже для эвакуации. Мы не сможем никого спасти. Мы даже не сможем спасти себя. Я считал. Я проверял. У нас есть три машины, два катера и один вертолёт. На двенадцать человек. Если что-то случится — мы не успеем.

Четвёртое. Погода. Дождь идёт третьи сутки. Гроза. Молнии бьют по периметру. Я видел, как одна ударила в трансформаторную подстанцию на севере. Резервные генераторы не запустились. Если бы это был основной контур — мы бы уже сидели в темноте с динозаврами на свободе. Я стоял там. Я видел, как искры летят в темноту. Я слышал, как гудит трансформатор. Это не надёжная система. Это лотерея.

Он замолчал. В комнате повисла тишина, нарушаемая только стуком дождя по стеклу.

Маркус медленно откинулся в кресле. Его лицо было спокойным, но в глазах мелькнуло что-то — не гнев, не раздражение. Что-то похожее на усталое признание.

— Я знаю, — тихо произнёс он. — Всё это я знаю, Декстер. Ты думаешь, я не вижу? Ты думаешь, я не получаю отчёты?

— Тогда почему вы ничего не делаете? — Декстер не повысил голос, но в нём появилась сталь. — Почему вы позволяете этому продолжаться?

Маркус встал. Он был ниже Декстера на голову, но в его движениях была та уверенность, которая приходит с возрастом и опытом. Он подошёл к окну, глядя на дождь. Его отражение в стекле было бледным, почти призрачным.

— Потому что у меня нет выбора, — сказал он, не оборачиваясь. — Проект «Эребус» существует уже двадцать лет. Двадцать лет, Декстер. Ты знаешь, сколько денег в него вложено? Сколько людей работало над ним? Сколько жизней положено на алтарь этой идеи?

— И сколько ещё будет положено? — тихо спросил Декстер.

Маркус обернулся. В его глазах промелькнула боль — настоящая, глубокая.

— Я не знаю, — честно ответил он. — Но я знаю, что если мы остановимся сейчас — всё, что было сделано, рухнет. Инвесторы заберут деньги. Правительство закроет проект. Динозавров усыпят. А мы останемся с тем, что мы создали, — и с тем, что мы уничтожили.

— Это не ответ, — сказал Декстер.

— Это единственный ответ, который у меня есть, — Маркус подошёл к столу, взял одну из карт. — Через две недели сюда приедут специалисты. Конор Торл — палеонтолог, эксперт по поведению древних видов. Лора Стил — палеоботаник, специалист по селекции. Их мнение может изменить всё. Если они скажут, что проект стоит того, — мы получим финансирование. Если нет — нас закроют.

Декстер смотрел на него долгим взглядом. В этом взгляде было всё: усталость, понимание, презрение и что-то ещё — может быть, жалость.

— Вы играете с огнём, Маркус, — наконец произнёс он. — И огонь уже горит.

Он развернулся и пошёл к двери. Уже у выхода он остановился, не оборачиваясь:

— Если что-то случится — я не буду вас спасать. Я буду спасать людей.

Дверь закрылась за ним с глухим стуком.

Маркус остался один. Он смотрел на дверь, за которой исчез Декстер, и думал о том, что тот прав. Он всегда был прав. Но правда не всегда спасает. Иногда правда убивает.

Часть II. Побег

Декстер шёл по коридору, когда услышал сигнал тревоги. Не громкий, не панический — короткий, повторяющийся писк, который означал одно: сбой в системе безопасности. Он

остановился, прислушался. Писк шёл из сектора D. Звук был резким, механическим, как будто сама система кричала от боли.

Он достал рацию:

— Центр, это Кейн. Что у вас?

Голос оператора — молодой, нервный — ответил почти сразу:

— Декстер, у нас проблема. Датчики в секторе D показывают нарушение периметра. Ограждение внутреннего вольера велоцирапторов — трещина. Мы не знаем, как это произошло.

Декстер сжал рацию так, что пластик скрипнул:

— Сколько их там?

— Пятеро. Но сигнал одного пропал. Мы не видим его на карте.

— Я иду, — коротко бросил Декстер. — Готовьте седативные дроттики. И вызовите Джорджа.

Он бежал по коридорам, не тратя времени на лифты. Его шаги эхом отражались от бетонных стен, и этот звук казался ему самому слишком громким — будто он предупреждал кого-то о своём приближении. Дождь бил в окна, молнии вспыхивали одна за другой, и в их свете коридоры казались длиннее, темнее, опаснее. Декстер знал эти коридоры наизусть. Он знал каждую трещину в стенах, каждую неработающую лампу, каждый сломанный замок. Он ходил здесь каждый день. Каждую ночь. Он патрулировал эти коридоры, когда все спали. Он слышал звуки, которые не слышали другие. Он видел то, что не видели другие.

Сектор D находился в западной части комплекса — старый блок, который должен был быть реконструирован ещё год назад. Декстер знал это место. Он знал каждую трещину в стенах, каждую неработающую камеру, каждый сломанный датчик. Он докладывал о них. Ему не отвечали.

Вольер велоцирапторов был огорожен стеклянными панелями — толстыми, но не бесконечными. Декстер подошёл к ограждению и сразу увидел то, что искал: трещину. Она началась у основания и поднималась вверх, разветвляясь, как молния. Стекло было мутным, но он видел, что внутри — пусто. Трое рапторов сидели в дальнем углу, настороженно глядя на ограждение. Четвёртый лежал у стены — видимо, раненый. Пятого не было.

Декстер присел, рассматривая трещину. На полу — следы. Мокрые, свежие. Кто-то прошёл здесь недавно. Он провёл пальцем по краю трещины — на пальце осталась кровь. Свежая, ещё не высохшая. Кровь была тёмной, почти чёрной, и пахла железом и чем-то ещё — звериным, чужим.

Он поднял рацию:

— Центр, это Кейн. Один велоцираптор ушёл. Следы ведут к восточной стене. Я иду по следу.

— Понял, Декстер. Будь осторожен.

Он не ответил. Осторожность — это слово для тех, у кого есть выбор. У него выбора не было.

Декстер двинулся по следу. Кровь капала на пол — редкие, тёмные капли, которые вели его через технические коридоры, мимо складов, через вентиляционные шахты. Он шёл быстро, но не бежал. Бег — это паника. Паника — это смерть. Он думал о том, что видел. О трещине в стекле. О крови на полу. О следах, которые вели в темноту. Он думал о том, что это значит. И он думал о том, что будет, если он не найдёт велоцираптора.

След вывел его к восточной стене комплекса. Здесь был старый грузовой выход — металлические ворота, которые не использовались годами. Декстер толкнул их. Они поддались со скрипом, открывая вид на джунгли. Дождь хлестал по листьям, превращая землю в грязь. Следы вели в лес.

Он вышел наружу. Ветер ударил в лицо, холодный и мокрый. Декстер принюхался. В воздухе пахло не только дождём и гниющей листвой. Пахло кровью. И чем-то ещё — звериным, чужим. Он двинулся вглубь джунглей. Ветки хлестали по лицу, лианы цеплялись за ноги, но он не замедлялся. Он читал следы, как книгу: вот здесь велоцираптор остановился, вот здесь прыгнул, вот здесь присел, прислушиваясь. Он был ранен — кровь на листьях, на стволах, на камнях. Но рана не остановила его. Велоцирапторы не останавливаются. Они идут до конца.

Декстер думал о велоцирапторах. Он изучал их. Он читал отчёты. Он знал, что они умны. Слишком умны. Они охотятся стаями. Они координируют действия. Они учатся. И они запоминают. Если велоцираптор выбрался — он не просто убежит. Он будет охотиться. Он будет искать добычу. Он будет убивать.

Декстер остановился у небольшого ручья. Следы вели к воде — и исчезали. Он присел, рассматривая берег. Велоцираптор вошёл в воду. Но куда он пошёл дальше? Он мог пойти вверх по течению, вниз, или переплыть на другой берег. Декстер достал нож, срезал ветку, начал прощупывать дно.

И тут он увидел это. На другом берегу, в грязи, — отпечаток лапы. Чёткий, свежий. Велоцираптор переплыл ручей. Но отпечаток был не один. Рядом — следы человека. Сапоги. Кто-то был здесь.

Декстер поднялся, чувствуя, как внутри всё сжимается. Он пошёл по следам — быстро, не скрываясь. Следы вели к берегу. К причалу.

Он вышел на бетонную площадку. Здесь пахло солью, мазутом и чем-то ещё — металлическим, холодным. Причал был пуст. Только один катер покачивался на волнах — старый, ржавый, но ещё на плаву. Декстер подошёл к нему. На палубе — кровь. Свежая. И следы лап. Велоцираптор был здесь. Он забрался на катер.

Декстер заглянул в кабину. Пусто. Он проверил топливо — бак был почти полон. Кто-то заправил катер. И этот кто-то ушёл. Вместе с велоцираптором.

Он достал рацию:

— Центр, это Кейн. У меня плохие новости. Велоцираптор покинул остров. Он на катере. Кто-то помог ему — или стал жертвой.

Тишина. Потом голос оператора — дрожащий:

— Ты уверен?

— Я стою на причале. Катера нет. На палубе — кровь. Я не знаю, кто был с ним. Но я знаю, куда он направляется.

— Куда?

Декстер посмотрел на горизонт. Там, за серой пеленой дождя, угадывались очертания материка.

— На большую землю, — тихо сказал он. — И если он доберётся туда — это конец.

Он стоял на причале, глядя на горизонт. Дождь хлестал по лицу, ветер рвал одежду, но он не двигался. Он думал о том, что теперь делать. Он думал о том, что велоцираптор уже, возможно, на материке. Он думал о том, что там люди. Много людей. Он думал о том, что будет, если велоцираптор доберётся до города. И он думал о том, что он — единственный, кто может его остановить.

Часть III. Охота начинается

Джордж нашёл Декстера на причале через двадцать минут. Он бежал — грузный, запыхавшийся, но в его движениях была та же собранность, что и у Декстера. Джордж был плотным — метр восемьдесят, сто килограммов, — но не рыхлым. Это был вес человека, который привык носить на себе оружие, снаряжение и ответственность. Его лицо было широким, с квадратной челюстью и внимательными серыми глазами. На лбу — глубокие морщины, будто кто-то провёл ножом. Он был на десять лет моложе Декстера, но выглядел старше — может, из-за седины, которая пробивалась в короткой стрижке, а может, из-за усталости, которая не проходила.

Джордж был единственным, кому Декстер доверял. Не потому, что они были друзьями — они не были. Дружба требует времени и эмоций, а у них не было ни того, ни другого. Но они понимали друг друга без слов. Оба знали цену жизни. Оба знали цену смерти. Они работали вместе пять лет. Пять лет — в этом комплексе, среди динозавров, среди опасности. Они видели вещи, которые не должен видеть человек. Они делали вещи, которые не должен делать человек. И они никогда не говорили об этом. Потому что слова не нужны, когда есть понимание.

— Где он? — спросил Джордж, глядя на пустой причал.

— Ушёл, — ответил Декстер. — На катере. С кем-то.

Джордж сжал кулаки:

— Кто мог это сделать?

— Не знаю. Но найду.

Джордж посмотрел на горизонт:

— Ты хочешь идти за ним?

— Да.

— Один?

Декстер обернулся. В его глазах не было эмоций — только холодная, твёрдая решимость:

— Ты идёшь со мной. Нам нужен вертолёт. И связь с материком. Мы должны найти его раньше, чем кто-то другой.

Джордж кивнул. Он не задавал лишних вопросов. Он знал: если Декстер что-то решил — это не обсуждается.

— Вертолётная площадка на северном мысе, — сказал Джордж. — Я подготовлю машину.

— У нас есть час, — Декстер посмотрел на небо. — Может, меньше. Дождь стихает. Как только погода улучшится — он будет уже на материке.

Они бежали к вертолётной площадке. Дождь хлестал по лицу, ветер сбивал с ног, но они не замедлялись. Вертолёт — старый, но надёжный — стоял на бетонной площадке, его лопасти уже вращались. Декстер забрался в кабину, Джордж — за штурвал.

— Куда? — спросил Джордж, поднимая машину в воздух.

— На юг, — ответил Декстер. — Ближайший порт — Пуэрто-Вьехо. Если катер шёл туда — он будет там через два часа. Мы должны опередить его.

Вертолёт поднялся над островом. Декстер смотрел вниз, на тёмные джунгли, на бетонные стены комплекса, на серые волны океана. Он думал о том, что они создали. О том, что они не смогли удержать. О том, что теперь им придётся убить. Он думал о велоцирапторе. О его глазах — холодных, умных, голодных. Он думал о том, что велоцираптор не просто животное. Он — хищник. Он — убийца. И он — их ошибка.

— Если мы его не найдём, — тихо сказал Джордж, будто читая его мысли, — это конец.

— Мы найдём, — ответил Декстер. — У нас нет выбора.

Он смотрел на горизонт. Там, за серой пеленой дождя, был материк. Там были люди. Там была опасность. И там был велоцираптор.

Часть IV. Материк

Пуэрто-Вьехо был маленьким портовым городом, затерянным на побережье Центральной Америки. Дождь здесь был теплее, но не менее настойчивым. Улицы блестели от воды, воздух пах солью, рыбой и гниющими отходами. Дома были старыми, с облупившейся краской и ржавыми крышами. Люди — усталыми, с лицами, которые видели слишком много, чтобы удивляться чему-то новому.

Город жил своей жизнью — медленной, бедной, но настоящей. На улицах играли дети, босые, в грязных футболках. Женщины несли корзины с фруктами. Мужчины сидели у стен, курили и смотрели в никуда. Здесь не было спешки. Здесь не было амбиций. Здесь была только жизнь — такая, какая есть.

Вертолёт приземлился на окраине города, на пустом поле, заросшем сорняками. Декстер и Джордж вышли, осматриваясь. Никто не обратил на них внимания. Здесь прилетали разные люди — туристы, торговцы, контрабандисты. Ещё один вертолёт — не событие.

— Катер должен быть в порту, — сказал Декстер, глядя на карту. — Если он там — мы найдём его.

Они шли по улицам, стараясь не привлекать внимания. Декстер — впереди, Джордж — чуть позади, прикрывая спину. Их одежда была мокрой, но они не замечали холода. Они думали только о том, что должны сделать.

Порт был большим — десятки катеров, лодок, барж. Декстер осматривал каждый, но того самого катера не было. Он уже начал думать, что они опоздали, когда увидел его — старый, ржавый, с характерной царапиной на борту. Катер стоял у дальнего причала, полузатопленный. Кто-то бросил его здесь.

Декстер подошёл ближе. На палубе — кровь. Много крови. И следы. Велоцираптор сошёл на берег.

— Он здесь, — тихо сказал Декстер. — Где-то в городе.

Джордж сжал оружие:

— Что будем делать?

— Искать. Но сначала — узнать, не видел ли его кто-то.

Они пошли в город. Улицы были пусты — дождь загнал людей в дома. Но в одном переулке они увидели толпу. Люди стояли у входа в здание с вывеской «Клиника Сан-Хуан». Крики, плач, ругань. Кто-то кого-то держал, кто-то вызывал врача.

Декстер и Джордж переглянулись. Они подошли ближе.

Часть V. Больница

Клиника Сан-Хуан была не больницей, а склепом. Стены — серые, покрытые плесенью, с потёками от воды, будто здание плакало. Пол — бетонный, холодный, с пятнами, которые не отмывались годами. Лампы дневного света гудели, мигали, будто тоже умирали. В воздухе стоял запах — тяжёлый, густой: антисептик, кровь, гниющая плоть и что-то ещё, что не имело названия. Запах страха. Запах смерти.

Люди в коридоре — медсестры в грязных халатах, санитары с усталыми лицами, родственники с красными глазами — двигались медленно, будто под водой. Их голоса звучали приглушённо, как сквозь вату. Всё здесь было пропитано безысходностью.

Дверь в приёмное отделение распахнулась. Санитары втокнули носилки, на которых лежал мужчина. Он кричал. Не словами — звуками. Животными, рваными, полными боли. Его тело билось в судорогах, руки сжимали край носилок так, что пальцы белели. На нём была рубашка, пропитанная кровью — тёмной, почти чёрной. Кровь капала на пол, оставляя за носилками длинный, мокрый след.

Медсестра — молодая, с усталыми глазами и руками, которые видели слишком много, — бросилась к нему. Она разрешила рубашку ножницами. И тогда все увидели.

Рана была на боку — от рёбер до бедра. Не порез. Не укус. Нечто другое. Кожа была разорвана, как бумага, мышцы — разорваны, как тряпки. Из раны торчали обломки костей — белые, острые, как ножи. Кровь не текла — она хлестала, пульсировала, заливала носилки, пол, руки медсестры. Мужчина кричал, но крик был уже не человеческим — это был вой, который вырывался из глубины, из самого сердца.

Декстер и Джордж стояли в дверях. Они видели многое. Они видели смерть, кровь, боль. Но это... это было другое. Это было хуже. Декстер смотрел на рану и думал: «Это не животное. Это что-то другое. Что-то умное. Что-то, что знает, куда бить». Он смотрел на мужчину и думал: «Он ещё жив. Но это ненадолго. И он это знает».

Медсестра обернулась. Её лицо было бледным, но спокойным — она привыкла. Она спросила:

— Кто вы?

Декстер не ответил. Джордж тоже. Они не могли сказать правду. Они не могли сказать, что этот человек — жертва их проекта. Они не могли сказать, что это их вина.

— Мы... туристы, — сказал Джордж. Голос его звучал хрипло. — Услышали крики. Решили помочь.

Медсестра посмотрела на них долгим взглядом. Она не поверила. Но у неё не было времени на допросы.

— Его привезли из парка, — сказала она, вытирая руки о халат. — Говорят, на него напало дикое животное. Он бредит. Говорит на испанском, но мы не можем разобрать.

Мужчина на носилках вдруг приподнялся. Его глаза — безумные, полные ужаса — уставились в потолок. Он заговорил. Слова были рваными, прерывистыми, но Декстер уловил:

— Ave... ave de presa...

Он повторял это снова и снова. Ave de presa. Потом добавил:

— Rápido... muy rápido...

И снова: Ave de presa.

Медсестра покачала головой:

— Он повторяет это уже час. Мы не знаем, что это значит.

Декстер и Джордж переглянулись. Они не знали испанского. Но они знали, что это важно.

— Можно нам посмотреть на рану? — спросил Декстер. — Ближе.

Медсестра hesitated, но кивнула:

— Только быстро. Ему нужна операция.

Они подошли к носилкам. Тихо. Медленно. Мужчина уже не кричал — он лежал, тяжело дыша, его глаза были закрыты. Рана... рана была ужасной. Декстер наклонился, рассматривая. Он видел рваные края, видел обломки костей, видел следы... когтей. Длинных, острых, как лезвия. Три полосы. Характерный рисунок.

Джордж побледнел. Он тоже узнал этот рисунок.

— Это... — начал он, но Декстер остановил его взглядом.

Они стояли в ужасе. Не от крови — от понимания. Это был велоцираптор. Их велоцираптор. И он был здесь. В этом городе.

Декстер выпрямился:

— Нам нужно идти.

Они вышли из палаты. В коридоре Декстер достал телефон, открыл переводчик.

— Ave de presa, — произнёс он. — Что это значит?

Телефон пискнул. На экране появился перевод:

«Хищная птица».

Декстер посмотрел на Джорджа. В его глазах не было эмоций. Только холодная, твёрдая решимость.

— Он видел велоцираптора, — тихо сказал Декстер. — И он выжил. Пока.

Джордж сжал кулаки:

— Что теперь?

Декстер посмотрел в окно. Город тонул в дожде. Где-то там, в темноте, был велоцираптор. Раненый. Голодный. Опасный.

— Теперь мы найдём его, — сказал Декстер. — И убьём. До того, как он убьёт кого-то ещё.

Часть VI. Разговор в кабинете

Тем временем на острове «Эребус» Юлис Милсон стоял в кабинете Маркуса Вейла, глядя на дождь за окном. Юлис был высоким, худым, с идеальной осанкой и костюмом, который сидел на нём так, будто был сшит на заказ — а он и был. Его лицо было гладким, почти без морщин, но в глазах — холодных, серых, как сталь, — читался расчёт. Юлис был администратором. Он не создавал динозавров. Он не строил вольеры. Он управлял людьми. И делал это хорошо.

Юлис думал о том, что проект «Эребус» — это не просто научный эксперимент. Это бизнес. Это деньги. Это власть. И он не собирался терять это из-за нескольких сломанных датчиков и одного сбежавшего велоцираптора. Он думал о том, как убедить Маркуса. Как заставить его действовать. Как спасти проект — любой ценой.

Маркус сидел за столом, глядя на карты. Его лицо было усталым. Он не спал две ночи. Он думал о том, что сказал Декстер. О трещинах. О сломанных датчиках. О людях, которые устали. Он думал о том, что проект «Эребус» — это его жизнь. Его идея. Его мечта. И он не мог позволить ей умереть.

— Мы не можем больше ждать, — сказал Юлис, не оборачиваясь. — Через две недели приедут специалисты. Если они увидят то, что видел Декстер, — проект закроют.

Маркус поднял на него глаза:

— И что ты предлагаешь?

Юлис обернулся. Его улыбка была идеальной — отрепетированной, холодной.

— Я предлагаю позвать их раньше. Намного раньше. До того, как они успеют увидеть проблемы. Мы покажем им лучшие сектора. Мы расскажем им о научной ценности проекта. Мы дадим им то, что они хотят — данные, образцы, возможность публикаций. И они уедут с хорошими отзывами.

Маркус покачал головой:

— Заповедник не готов. Ты сам это знаешь.

— Я знаю, — Юлис подошёл ближе. — Но если мы не покажем его сейчас — мы не покажем его никогда. Проект закроют. Инвесторы уйдут. Динозавров усыпят. Всё, что мы создали, — исчезнет.

Маркус молчал. Юлис продолжил:

— Конор Торл — палеонтолог. Его мнение весит много. Если он скажет, что проект стоит того, — мы получим финансирование. Лора Стил — палеоботаник, селекционер. Она может помочь нам с адаптацией растений. Они оба — уважаемые учёные. Их отзывы откроют нам двери.

Маркус посмотрел на карту. На остров. На сектора. На красные точки — места сбоев.

— Ты понимаешь, что мы рискуем? — тихо спросил он. — Если что-то случится, пока они здесь...

— Ничего не случится, — уверенно сказал Юлис. — Мы всё контролируем.

Маркус поднял на него глаза. В них не было уверенности. Только усталость.

— Ты прав, — наконец произнёс он. — Мы не можем терять ни минуты. Зови их.

Юлис кивнул и вышел. Дверь закрылась за ним с тихим щелчком.

Маркус остался один. Он смотрел на карту, на красные точки, на дождь за окном. И думал о том, что они делают. И о том, что за это придётся заплатить. Он думал о Декстере. О его словах. «Вы играете с огнём, Маркус. И огонь уже горит». Он думал о том, что Декстер прав. И он думал о том, что уже слишком поздно.

Продолжение следует...

Глава 3

Глава 2. Тени в лесу

Часть I. Поиски в парке

Дождь на материке стих так же внезапно, как и начался. Небо оставалось серым, тяжелым, будто набухшая губка, готовая в любой момент снова разродиться ливнем, но пока лишь давило на город своей свинцовой тяжестью. Воздух стал густым, липким, пропитанным влагой и запахом гниющей растительности. В таком воздухе звуки распространялись странно — приглушённо, искажённо, будто сам мир затаил дыхание и прислушивался.

Декстер и Джордж стояли у входа в парк — не тот ухоженный туристический парк с дорожками и скамейками, а дикий участок леса на окраине Пуэрто-Вьехо, который местные называли «el monte» — «гора», хотя никакой горы здесь не было. Просто густой, почти непроходимый лес, который тянулся вдоль побережья на десятки километров, скрывая в своей глубине старые тропы контрабандистов, заброшенные хижины и, возможно, то, что искали Декстер с Джорджем.

Декстер смотрел на лес. Он видел то, что не видели другие: не просто деревья и кусты, а укрытия, пути отхода, точки обзора. Его мозг работал как компьютер, просчитывая вероятности. Велоцираптор не пойдёт в город. Слишком много шума, слишком много запахов, слишком много людей. Он пойдёт в лес. Туда, где можно спрятаться. Туда, где можно охотиться.

— Он здесь, — тихо сказал Декстер, не оборачиваясь. — Я чувствую.

Джордж стоял рядом, держа на плече старую винтовку с оптическим прицелом. Он не спрашивал, откуда Декстер знает. Он просто верил. В их работе вера была важнее фактов.

— Как будем искать? — спросил Джордж.

Декстер достал карту — старую, потрёпанную, с пометками, сделанными от руки. Он разложил её на капоте машины и провёл пальцем по извилистым линиям.

— Лес делится на три зоны, — начал он, и его голос был ровным, деловым, будто он читал инструкцию. — Первая — прибрежная полоса. Там влажно, много воды, но мало укрытий. Велоцирапторы не любят открытые пространства. Вторая зона — центральная часть. Густой лес, много тени, много мест для засады. Третья — скалистая часть на востоке. Там пещеры, расщелины. Идеальное укрытие.

Он поднял глаза на Джорджа:

— Начнём с центральной. Если он ранен, он не пойдёт далеко. Он найдёт место, где сможет затаиться, залечить рану. Велоцирапторы — умные твари. Они знают, как выживать.

Джордж кивнул:

— А если он не ранен?

Декстер посмотрел на лес. В его глазах не было эмоций — только холодный расчёт.

— Тогда он уже охотится, — тихо сказал он. — И мы найдём его по следам.

Они вошли в лес. Сразу стало темнее — кроны деревьев смыкались над головой, не пропуская свет. Воздух стал тяжелее, пропитался запахом прелой листвы, мха и чего-то ещё — животного, дикого. Под ногами хлюпала грязь, и каждый шаг оставлял глубокий отпечаток.

Декстер шёл первым. Он двигался медленно, но уверенно, читая следы, которые для неподготовленного глаза были невидимы. Вот ветка, сломанная недавно — слишком свежий слом, слишком ровный. Вот трава, примятая тяжёлым телом. Вот царапина на стволе дерева — три параллельные борозды, оставленные когтями.

— Здесь, — тихо сказал Декстер, приседая. Он провёл пальцем по царапине. — Свежая. Ему несколько часов.

Джордж подошёл ближе, вглядываясь:

— Он двигался на восток.

— Да, — Декстер поднялся. — К скалам. Я же говорил — он ищет укрытие.

Они двинулись дальше. Лес становился гуще, темнее, враждебнее. Ветки хлестали по лицу, лианы цеплялись за ноги, будто пытались остановить, не пустить. Декстер не обращал внимания. Он думал о велоцирапторе. О его повадках. О том, как он охотится. Велоцирапторы — не просто хищники. Они — стратеги. Они изучают добычу. Они запоминают. Они учатся. Если велоцираптор понял, что за ним охотятся, — он будет охотиться в ответ.

Джордж шёл позади, прикрывая спину. Он не разговаривал. Он думал о том, что видел в больнице. О ране. О криках мужчины. О словах, которые тот повторял: Ave de presa. Хищная птица. Джордж видел велоцирапторов в вольере. Он знал, как они выглядят. Но он никогда не видел их в деле. Никогда не видел, на что они способны. Теперь он знал. И это знание было тяжёлым, как камень в груди.

Они шли уже два часа. Лес не кончался. Он тянулся и тянулся, бесконечный, тёмный, полный шорохов и теней. Декстер остановился у небольшого ручья. Он присел, рассматривая берег.

— Он был здесь, — сказал Декстер. — Пил воду. Следы свежие.

Он поднялся, глядя на восток:

— Скалы уже близко. Если он там — мы найдём его.

И тут они услышали это. Звук. Не крик — что-то другое. Резкое, гортанное, будто кто-то щёлкнул зубами. Звук шёл с востока. Со скал.

Декстер замер. Его рука медленно опустилась к кобуре.

— Он знает, что мы здесь, — тихо сказал он. — Он нас ждёт.

Джордж снял винтовку с плеча:

— Что делаем?

Декстер смотрел на скалы. Он думал. Быстро. Холодно. Он знал, что велоцираптор умен. Он знал, что велоцираптор быстр. Он знал, что велоцираптор опасен. Но он также знал, что велоцираптор ранен. И что рана делает его медленнее. И что это — их единственный шанс.

— Идём, — сказал Декстер. — Но осторожно. Он может напасть в любой момент.

Они двинулись к скалам. Лес становился реже, земля — каменистее. Впереди показались серые валуны, покрытые мхом, и тёмные расщелины, уходящие в глубь земли. Здесь было тихо. Слишком тихо. Даже птицы не пели. Даже ветер не шумел. Тишина была густой, как вода.

Декстер остановился у входа в расщелину. Он смотрел в темноту. Где-то там, в глубине, был велоцираптор. Он ждал. Он охотился.

— Я иду первым, — тихо сказал Декстер. — Ты прикрываешь.

Джордж кивнул. Он поднял винтовку, прицелился в темноту.

Декстер шагнул в расщелину. Темнота поглотила его.

Часть II. Погоня

Первое, что почувствовал Декстер, — запах. Тошнотворный, густой, животный. Запах крови и гниющей плоти. Он остановился, давая глазам привыкнуть к темноте. Расщелина была узкой — метр шириной, может, меньше. Стены — влажные, покрытые слизью. Пол — скользкий, усыпанный обломками камней.

Он шёл медленно, шаг за шагом. Его рука лежала на кобуре. Он не доставал оружие — пока. Он знал, что в темноте пистолет бесполезен. Звук выстрела оглушит, вспышка ослепит. А велоцираптор — он видит в темноте. Он охотится в темноте.

И тут он услышал это. Дыхание. Тяжёлое, хриплое, близкое. Оно шло из глубины расщелины. Декстер замер. Он вслушивался. Дыхание было неровным. Велоцираптор был ранен. Он страдал.

Декстер сделал ещё шаг. И ещё. И тут он увидел его.

Велоцираптор сидел у стены расщелины. Его тело было вытянутым, мускулистым, покрытым перьями — не пушистыми, а жёсткими, как щетина, бурого цвета с тёмными полосами. Голова — узкая, с острым клювом и внимательными глазами. Глаза светились в темноте — жёлтые, холодные, умные. На боку — рана. Глубокая, рваная. Кровь запеклась, образовав тёмную корку. Но она всё ещё сочилась — медленно, но непрерывно.

Велоцираптор смотрел на Декстера. И Декстер смотрел на велоцираптора. Между ними было три метра. Три метра темноты, тишины и смерти.

Декстер не двигался. Он знал: одно резкое движение — и велоцираптор бросится. Он знал: велоцираптор быстрее. Он знал: велоцираптор сильнее. Но он также знал: велоцираптор ранен. И это — его шанс.

Велоцираптор наклонил голову. Так делают птицы, когда изучают что-то новое. Он смотрел на Декстера, будто пытался понять, кто перед ним. Враг? Добыча? Или что-то другое?

Декстер медленно опустил руку к кобуре. Он не достал пистолет. Он просто положил ладонь на рукоятку. Велоцираптор проследил за движением. Его голова дёрнулась. Глаза сузились.

И тут велоцираптор бросился.

Он двигался быстро — слишком быстро для раненого существа. Декстер едва успел отпрыгнуть в сторону. Когти велоцираптора просвистели в сантиметре от его лица. Он ударился о стену расщелины, почувствовал боль в плече, но не остановился. Он рванулся вперёд, к выходу.

— Он идёт! — крикнул Декстер.

Джордж услышал. Он поднял винтовку. Но велоцираптор выскочил из расщелины быстрее, чем он успел прицелиться. Существо промчалось мимо, едва не сбив Джорджа с ног, и рванулось в лес.

— Уходит! — крикнул Джордж.

Декстер выскочил из расщелины. Он увидел, как велоцираптор исчезает среди деревьев. Он бежал. Быстро. Слишком быстро для раненого.

— За ним! — крикнул Декстер.

Они бросились в погоню.

Лес встретил их стеной зелени. Ветки хлестали по лицу, корни хватали за ноги, но Декстер и Джордж не замедлялись. Они бежали, не разбирая дороги, ориентируясь только по звуку — треск веток, шорох листвы, тяжёлое дыхание велоцираптора.

Велоцираптор был быстр. Но он был ранен. И это замедляло его. Декстер видел, как существо спотыкается, как оно хромот на левую ногу. Он знал: ещё немного — и велоцираптор выдохнется. Ещё немного — и они его догонят.

Но велоцираптор был умён. Он не бежал по прямой. Он петлял, менял направление, использовал рельеф. Он знал лес. Он знал, где можно спрятаться.

Декстер понял это, когда они выскочили на поляну — и велоцираптор исчез. Просто исчез. Растворился среди деревьев, будто его никогда не было.

— Где он? — выдохнул Джордж, оглядываясь.

Декстер стоял, тяжело дыша. Он смотрел на лес. Он слушал. Но лес молчал. Только ветер шумел в кронах. Только дождь начинал снова барабанить по листьям.

— Ушёл, — тихо сказал Декстер. — Он нас обманул.

Джордж сжал кулаки:

— Что теперь?

Декстер не ответил. Он думал. Велоцираптор был здесь. Где-то рядом. Он не мог уйти далеко — рана не позволяла. Он затаился. Он ждал. Он охотился.

И тут рация Декстера ожила. Голос — холодный, механический, без эмоций:

— Кейн, это Центр. Приказ сверху. Возвращайтесь на базу. Немедленно.

Декстер сжал рацию:

— Мы на следе. Он близко.

— Приказ окончательный, Кейн. Возвращайтесь.

Декстер посмотрел на лес. На деревья, которые скрывали велоцираптора. На тени, которые могли быть чем угодно. Он знал, что не должен уходить. Он знал, что велоцираптор убьёт кого-то ещё. Но он также знал: приказ есть приказ.

— Понял, — тихо сказал он. — Возвращаемся.

Он развернулся и пошёл к вертолёту. Джордж шёл следом, не задавая вопросов. Но оба знали: они вернутся. Рано или поздно — вернутся.

Часть III. Разговор Маркуса и Лу Вонга

На острове «Эребус» дождь наконец стих, но небо оставалось тяжёлым, свинцовым. Оно давило на комплекс, на джунгли, на людей — как предчувствие чего-то неизбежного. В воздухе висела влага, и каждый вдох был как глоток воды.

Лаборатория Лу Вонга находилась в восточном крыле комплекса — маленькая, тесная, забитая оборудованием. Здесь пахло формалином, спиртом и чем-то ещё — химическим, резким. На столах стояли пробирки, микроскопы, центрифуги. На стенах висели схемы ДНК, графики, фотографии эмбрионов. Это было место, где создавалась жизнь. Или, точнее, где её пытались создать заново.

Лу Вонг сидел за микроскопом, глядя на что-то в окуляре. Он был невысоким — метр шестьдесят пять, может, чуть больше, — с прямой осанкой и внимательными тёмными глазами. Его лицо было худым, с высокими скулами и глубокими морщинами у рта. Волосы — чёрные,

с проседью, коротко стриженные. Он носил очки в тонкой металлической оправе, которые то и дело поправлял нервным движением.

Лу было пятьдесят два. Он родился в Шанхае, учился в Гарварде, работал в лучших лабораториях мира. Он был гением — не в том смысле, в котором это слово используют для журналистов, а в настоящем: он видел то, что не видели другие. Он понимал код жизни так, как понимают язык — не просто слова, а смысл, интонацию, контекст. Он мог читать ДНК, как поэзию.

И он любил свои создания. По-настоящему любил. Не как учёный любит объект исследования, а как отец любит детей. Он помнил каждое из них — по имени, по характеру, по привычкам. Он знал, кто из велоцирапторов любит сидеть на солнце, кто предпочитает тень. Он знал, кто из паразауролофов пуглив, а кто любопытен. Он знал их всех. И он был готов на всё, чтобы они выжили.

Когда в лабораторию вошёл Маркус Вейл, Лу даже не обернулся. Он продолжал смотреть в микроскоп, что-то бормоча себе под нос.

— Лу, — произнёс Маркус, останавливаясь в дверях. — Нам нужно поговорить.

Лу поднял голову. Его глаза — тёмные, блестящие — смотрели на Маркуса с лёгким раздражением.

— Я занят, Маркус. У меня культура клеток на критической стадии. Если я отвлекусь...

— Это важно, — перебил Маркус. — Велоцираптор сбежал.

Лу замер. Его рука, державшая пипетку, дрогнула. Он медленно положил пипетку на стол и повернулся к Маркусу.

— Что ты сказал?

— Велоцираптор сбежал, — повторил Маркус. — Он покинул остров. Декстер и Джордж отправились за ним, но упустили.

Лу снял очки. Он протёр их рукавом халата — медленно, тщательно, будто пытался выиграть время. Потом снова надел и посмотрел на Маркуса.

— Как? — тихо спросил он. — Как он сбежал?

Маркус вздохнул:

— Катер. Кто-то помог ему. Мы не знаем, кто.

Лу покачал головой. Он встал, подошёл к окну, глядя на джунгли. Его спина была прямой, напряжённой.

— Они не должны были сбежать, — сказал он, и в его голосе была не злость, а боль. — Они не должны были. Я создал их. Я знаю их. Они не агрессивны. Они не опасны. Они просто... они просто хотят жить.

— Лу, — Маркус подошёл ближе. — Велоцираптор напал на человека. На материке. Человек в больнице. Он может умереть.

Лу обернулся. Его лицо побледнело.

— Напал? — переспросил он. — Велоцираптор напал на человека?

— Да.

Лу молчал. Он думал. Он знал своих созданий. Он знал, что они не нападают без причины. Он знал, что они охотятся только когда голодны. Или когда чувствуют угрозу.

— Он был ранен, — тихо сказал Лу. — Он был напуган. Он не хотел нападать. Он защищался.

— Лу, — Маркус говорил мягко, но твёрдо. — Это не имеет значения. Он опасен. И он на свободе.

Лу снова повернулся к окну. Он смотрел на джунгли. На мир, который он создал. На мир, который он любил.

— Они не опасны, — прошептал он. — Они просто... другие. Они не понимают этот мир. Они не понимают, почему их держат в клетках. Они не понимают, почему их изучают. Они просто хотят быть свободными.

Маркус молчал. Он понимал Лу. Он понимал его боль. Но он также понимал, что Лу ошибается. Динозавры — не дети. Они — хищники. И они опасны.

— Лу, — сказал Маркус. — Мы должны думать о людях. О сотрудниках. О гостях.

Лу обернулся. В его глазах были слёзы.

— А кто подумает о них? — спросил он. — Кто подумает о моих созданиях? Они не просили, чтобы их возвращали. Они не просили, чтобы их держали здесь. Мы вырвали их из небытия. Мы дали им жизнь — и сразу же отняли свободу. Мы — их творцы. И мы — их тюремщики.

Маркус подошёл к нему, положил руку на плечо:

— Я знаю, Лу. Я знаю. Но мы не можем изменить прошлое. Мы можем только сделать так, чтобы будущее было безопасным. Для всех.

Лу молчал. Он смотрел на джунгли. Где-то там, в глубине острова, были его создания. Его дети. Его ошибка.

Часть IV. Разговор о группе «Альфа»

Маркус отошёл к столу, сел на стул. Он выглядел усталым. Более усталым, чем обычно.

— Есть ещё кое-что, — сказал он. — Группа «Альфа».

Лу напрягся:

— Что с ними?

Маркус посмотрел на него:

— Они мертвы. Все четверо. Тираннозавр.

Лу закрыл глаза. Он знал группу «Альфа». Четверо техников, которые работали в секторе тираннозавра. Молодые, энергичные, полные надежд. Они верили в проект. Они верили в Лу. Они верили, что делают что-то важное.

— Как? — тихо спросил Лу.

— Сбой в системе. Ограждение отключилось на тридцать секунд. Этого хватило.

Лу открыл глаза. В них была пустота.

— Тридцать секунд, — повторил он. — Тридцать секунд, и четверо людей мертвы.

— Да.

Лу встал. Он подошёл к столу, взял пробирку с образцом. Посмотрел на неё. В пробирке была кровь тираннозавра. Тёмная, густая, живая.

— Он не хотел, — тихо сказал Лу. — Тираннозавр не хотел их убивать. Он просто... он просто был голоден. Или напуган. Или и то и другое. Он не понимал, что делает. Он не понимал, что убивает.

— Лу, — Маркус встал. — Это не имеет значения. Люди мертвы. И мы не можем это изменить.

— Я знаю, — Лу поставил пробирку на место. — Я знаю, что не можем. Но я могу понять. Я могу понять, почему это произошло. И я могу сделать так, чтобы это не повторилось.

Он повернулся к Маркусу. В его глазах была решимость.

— Мы должны усилить безопасность. Мы должны сделать так, чтобы ни один динозавр больше не пострадал. И ни один человек.

Маркус покачал головой:

— Лу, мы уже обсуждали это. У нас нет денег. У нас нет людей. У нас нет времени.

— Тогда найдите, — голос Лу стал жёстким. — Найдите деньги. Найдите людей. Найдите время. Потому что если мы не сделаем этого — будут новые жертвы. И тогда проект закроют. И все, что мы создали, — умрёт.

Маркус молчал. Он понимал Лу. Он понимал его страсть. Но он также понимал, что Лу не видит реальности. Реальность была в том, что проект «Эребус» — это не научная лаборатория. Это бизнес. И бизнес требует прибыли.

Часть V. Вмешательство Мика

Дверь открылась. В лабораторию вошёл Мик Фин. Он был крепким, коренастым — метр семьдесят пять, сто килограммов, — с грубоватыми чертами лица и цепким взглядом. Его волосы были коротко стрижены, с проседью, а на лбу — глубокие морщины, будто кто-то провёл ножом. Он носил простую одежду: тёмные брюки, рубашку, куртку. Ничего лишнего. Он был человеком действия. Не слов.

Мик был директором заповедника. Он отвечал за безопасность. За инфраструктуру. За всё, что должно было работать, но не работало. Он знал каждый сбой. Каждую трещину. Каждую сломанную систему. И он знал, что проект «Эребус» — это бомба замедленного действия.

— Я слышал, — сказал Мик, останавливаясь в дверях. — Велоцираптор сбежал. Группа «Альфа» мертва. Что ещё?

Маркус посмотрел на него:

— Мы обсуждаем, как исправить ситуацию.

Мик усмехнулся. Это была не улыбка — это была гримаса.

— Исправить? — переспросил он. — Ты серьёзно? Этот заповедник не можно исправить. Его можно только закрыть.

Лу напрягся:

— Мик, мы не можем закрыть проект. Слишком много вложено.

— Вложено? — Мик шагнул вперёд. — Во что вложено? В бетон, который трескается? В системы, которые ломаются? В людей, которые умирают? Это не заповедник. Это кладбище. И мы все — его будущие обитатели.

— Мик, — Маркус говорил тихо, но твёрдо. — Мы понимаем твои опасения. Но мы не можем просто взять и закрыть проект.

— Почему? — Мик посмотрел на него в упор. — Потому что ты потратил двадцать лет своей жизни? Потому что ты не хочешь признать, что ошибся?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.